

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*



Лидия Алексеевна Чарская

Бирюзовое колечко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636855

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Хорунжий Лихомирко углубился в лес со своей полусотней. На диво разубранные причудливой рукой осени стояли деревья. Золотом и багрянцем отливала их заметно поредевшая листва. Шуршали под ногами лошадей опавшие, мертвые листья и высохшая желтая трава.

Этот беспокойно-меланхолический шум невольно будил воспоминания в душе молодого офицера...

Содержание

I	4
II	7
III	10
IV	14
V	17

Лидия Алексеевна Чарская

Бирюзовое колечко

I

Хорунжий Лихомирко углубился в лес со своей полусотней. На диво разубранные причудливой рукой осени стояли деревья. Золотом и багрянцем отливала их заметно поредевшая листва. Шуршали под ногами лошадей опавшие, мертвые листья и высохшая желтая трава.

Этот беспокойно-меланхолический шум невольно будил воспоминания в душе молодого офицера. Представлялась минувшая осень, вспоминалась Ольгуся, и сердце Лихомирко сладко замерло отзвуком недавнего былого.

Вспоминался «тот» вечер, которого он никогда не забудет. Все встали из-за чайного стола. Дед с Варварой Петровной Чумаченко, доктор и богатый сосед-помещик Сидоренко, по своему обыкновению сели сражаться в «девятый вал». К ним примазался Костик, семнадцатилетний юнкер-кавалерист, сын хозяйки дома. Собирались играть всю ночь, до утренних петухов. Так и сообщили об этом Лихомирко с Ольгусей. Как они обрадовались, помнится, этому решению стариков!.. Еще бы! Впереди была целая ночь драгоценной свободы.

– Пойдем на леваду! – шепнула Ольгуся и тронула его за руку.

О, этого прикосновения нежных девичьих пальчиков он не забудет никогда!

С самого начала пробуждения в нем инстинкта взрослого, Никанор Лихомирко не мечтал о другой женщине, кроме Ольгуси. С детства он знал ее. Дед его Павел Петрович Лихомирко был соседом по имению с Варварой Николаевной Чумаченко. Их владения соприкасались. Соприкасались и души их детей. Синие глазки Ольгуси постоянно мерещились Никанору. О них мечтал он еще со школьной скамьи, им посвящал свои лучшие душевные порывы.

И вот в эту осеннюю незабвенную ночь он открылся Ольгусе, открылся совсем неожиданно, молодо, пылко. Печально шуршали под ногами мертвые листья в аллее, которой они тогда пробирались к леваде. Трещали сухие отростки засохшего ковыля на леваде. А темное, бархатное небо родимой Украины сверкало алмазной сказкой бесчисленных звезд.

Вот эта красота волшебной августовской ночи и заставила высказать Никанора то, что он таил до сих пор в глубине души от Ольгуси.

Девушка внимательно выслушала его и пожала ему руку, а потом, сидя на леваде, долго декламировала те из стихов Бальмонта, где говорилось о любви тревожной и чуточку странной.

Никанор не был способен на такую любовь. Нет, его чув-

ство к Ольгусе было так пылко, полно и просто по своей ясности и красоте. Однако стихи он слушал жадно и упивался нежным голосом Ольгуси, и мечтал о том, как этот самый голосок скажет ему: «люблю».

Но петухи пропели, а Ольгуся так и не сказала этого слова. Бледнели и гасли золотые звезды в вышине. Гасли с ними и надежды молодого хорунжего, когда той же дорогой он с Ольгусей возвращался домой.

А в конце января он узнал потрясающую новость: Ольгуся, его мечта и греза всей его юности, вышла замуж за толстого, старого богача-помещика Сидоренко.

II

– Никанор Димитриевич, а ведь это – они!

– Полно, Костя!.. Вам всюду они мерещатся.

– Ей Богу, они, Никанор Димитриевич! Разве не слышите? Хрустнула ветка, вот еще и еще... Должно быть, разъезд их кавалерии. Я уж знаю, пехота у них совсем иначе ходит.

О, этот мальчик с его пламенной фантазией, простительной впрочем для его семнадцати лет! Никанор Димитриевич казался самому себе старым в сравнении с этим мальчуганом, а ему ведь только недавно пошел двадцать третий год. И, как «старому офицеру», Ольга Владимировна Сидоренко, его бывшая Ольгуся, поручила ему своего брата Константина, выпущенного из училища только этим летом в их полк.

Красивый юноша до боли напоминал ему Ольгусю, не эту расплывшуюся, беременную первым ребенком мадам Сидоренко, со слезами в покрасневших глазах, просившую его побережь её братишку, а ту Ольгусю левады и бархатной украинской ночи – лучшей, которую он когда либо переживал. О, да, он сбережет во что бы то ни стало этого ребенка! Он своей грудью заслонит его, если потребуется, от неприятельской пули или штыка. Он сделает все зависящее от него, чтобы Костя не подвергался большей опасности. Но разве можно что-либо предусмотреть среди ужасов войны?

– Это – они, я это знаю наверное... И конные... Разъезд, –

снова произнес Костя. Хорошо было бы их живьем раздобыть. Пустите меня, Никанор Димитриевич, с нашими молодцами. Прикажите вызвать охотников.

– Не спешите, Костя, не волнуйтесь. Наше не уйдет от нас.

– Но ведь они же близко уже, в каких-нибудь ста шагах, вон там, за теми багряными кустами. И без бинокля видно.

Лихомирко взглянул по направлению, указываемому юношей. Так и есть – что-то темное, какие-то черные фигуры шевелились за ближайшей чащей кустов.

«А мальчуган, как будто, прав. Несомненно там засада. Необходимо выбить на открытое поле», – соображал хорунжий, не сводя глаз с подозрительных кустов, и тут же вызвал охотников.

Константина Чумаченко он оставил при полусотне, несмотря на все мольбы так и рвавшегося в бой юного офицера. Лихомирко решил беречь его по мере сил и возможности и всячески держался этого своего решения.

Костя чуть не плакал от досады и злости. Он уже грезил отличием; ему мерещился желанный крестик Георгия. Его невыразимо тянуло в самое пекло боя, а участвовать в настоящем бою до сих пор пришлось всего лишь один раз с того самого дня, когда переступили они черту Галиции. Никанор Димитриевич держал его при себе, под «крылышком», то и дело посылая с донесениями по начальству или оставляя в прикрытии с запасным полувзводом.

Но раз счастье улыбнулось юноше. Как только вылетели

с пиками наперевес молодцы-казаки, он присоединился к ним, вопреки приказанию своего ближайшего начальства, и работал револьвером и саблей не хуже других. И он видел, как часть австрийцев бросилась врассыпную, другая же, оставшаяся, махала белыми платками вместо флагов, сигнализируя о сдаче. Этого часа, полного упоения победой, Костя не забудет никогда.

И вот, теперь с тоской и завистью смотрел он на то, как лихие молодцы их полусотни, вызванные старшим хорунжим, вылетели на своих выносливых конях вперед и стали углубляться в чащу. Костя остался с растерзанным сердцем. Снова золотая мечта о Георгии улетела вдаль.

III

Ничего подобного не ожидал увидеть хорунжий Лихомирко. Вместо австрийских солдат его разведчики добыли и привели двух... монахинь.

Одна из них была полная, пожилая, с отвислыми щеками и маленькими глазками; черная монашеская шапочка низко сидела у неё надо лбом. Другая, молодая, очень стройная и высокая красавица, поразила всех своим видом. Её синие глаза напоминали Никанору глаза Ольгуси; пухлый рот улыбался далеко не смиренной, иноческой улыбкой.

Костя Чумаченко был не менее Никанора Димитриевича поражен этими неожиданно появившимися перед ними инокинями, и на его свежем лице отражалась самое неподдельное восхищение молодой красавицей, а ярко блестящие глаза впились в её лицо таким восторженным взглядом, что молодая инокиня не выдержала и потупилась.

В это время хорунжий Лихомирко снимал допрос со старшей монахини. Она отвечала на смешанном польско-русском наречии галичан, и её тонкий, высокий голос мало соответствовал широким плечам и всей её массивной фигуре.

Подробно и толково объяснила монахиня офицеру, что сама она и её молодая спутница – инокини из ближнего монастыря и направляются в дальний «Печать Богородицы» монастырь, чтобы уговориться с игуменьей его насчет рас-

пределения раненных по ближайшим обительским лазаретам.

– Да вот в дороге едва не привелось случиться несчастью: нарвались на австрийский разъезд, – продолжала словоохотливая инокиня. – Слава Богу, оказались свои же галичане. А то, храни Бог и Святая Мария, если бы коренные венгерцы или мадьяры!.. Несдобровать бы тогда нам, особенно ей, – мотнула она головой в сторону своей спутницы. – Сами знаете, как австрийцы падки до женской красоты. Один Господь ведает, сколько невинных девушек погибло в эту войну! – и маленькие глазки монахини целомудренно поднялись к небу.

В прекрасном лице её спутницы отразилось некоторое смущение. Красавица беспокойно повела плечами и опустила голову.

– А куда проехал встречный австрийский отряд? – спросил монахинь хорунжий.

Наступила пауза.

Никанор нетерпеливым жестом вынул изо рта папироску и бросил ее в кусты.

Вдруг заговорила молодая монахиня. Оказалось, что она очень недурно владела русским языком.

– Они пошли направо, в том направлении, – указала она на дальние группы зарумянившихся кленов, – и если вы, господин офицер, прикажете своему разъезду взять это направление, то через час-другой настигнете их. – Тут синие, глу-

бокие глаза засверкали огнем ненависти. – Мне все равно: мадьяры или австрияки! – резко и гневно сорвалось после небольшой паузы с её губ: – одинаково разбойники, – те и другие.

– Молчи, сестра Мария! Господь указывает нам прощать своих врагов, – остановила ее старшая спутница, набожно поднимая глаза и перебирая четки.

Молодая возразила ей что-то тихо, потом они обе сразу заговорили так быстро на своем смешанном языке, что их никак уже не могли понять ни оба офицера, ни окружающие казаки. Особенно волновалась и горячилась молодая.

– Что она говорит? – спросил её старшую спутницу Лихомирко.

– Сестра Мария предлагает, чтобы вы, господин офицер, захватили нас обеих с собой. Мы можем быть полезны вам. Мы знаем монастырь, куда сегодня ночью должна придти на ночлег полурота австрийской пехоты, и если вы пожелаете, то мы приведем вас с отрядом туда.

– Ладно, ведите! – после некоторого колебания согласился хорунжий, соображая в то же самое время, что ему и его людям придется иметь дело с втрое сильнейшим врагом.

У Кости, ловившего каждое слово, при этом радостно дрогнуло сердце. Наконец-то! Наконец-то предстоит, может быть, случай отличиться и заслужить столь желанного Георгия.

Монахинь усадили на запасных лошадей, к великому

удивлению казаков, и маленький отряд двинулся снова.

IV

Августовская ночь окутала темной вуалью притихшую природу. Разлился по небу золотой дождь осенних созвездий, засветился молодой месяц.

Костры потухли. Казаки, поужинав и задав корму коням, легли на короткий отдых. Решено было накрыть неприятеля на рассвете, когда утренний сон особенно крепок и глубок.

В небольшом заброшенном сарае, с крошечным отверстием под самой крышей, прикрытой ветвями столетнего клена, устроили на ночевку обеих монахинь. У дверей сарая, когда-то, должно быть, служившего приютом для людей в ненастное время, был поставлен часовой-казак.

Старая монахиня давно спала, тогда как молодая еще стояла у двери сарая и, в присутствии бравого казака-часового, разговаривала с Костей. Её задумчивое, красивое лицо, было обращено к месяцу и синие глаза с затаенной печалью следили за игрой его лучей.

Костя Чумаченко в свою очередь, не отрывая глаз, следил за юной красавицей; она положительно нравилась ему. В этот месяц похода он успел научиться узнавать по внешности и наречию простых галицийских крестьянок, а эта красавица-монахиня резко отличалась от них во всем. Она и говорила иначе, чем они, и держала себя совсем по-другому. Очевидно то была барышня из общества, дочь какого-нибудь

галицийского помещика, почему-либо ушедшая от света.

Богатая фантазия юноши уже начинала ткать причудливую пряжу вымысла. Конечно здесь должна была быть несчастная любовь, не иначе... Конечно «она» полюбила «его» и конечно «он» был на высоте блаженства. Но разлучник-отец воспротивился браку, и молодые сердца были разединены. «Он» покончил с собой, «она» заперлась в монастыре. Недаром же так задумчиво её лицо, так печальны синие глазки.

Куря папироску за папироской, Костя не отрывал от неё глаз. Она положительно очаровала его таинственностью своей судьбы, своим мечтательным видом. Нескромным он быть не хотел и докучать ей своими расспросами не считал возможным. А между тем как хотелось узнать что-либо про эту интересную незнакомку!

Вдруг молодая девушка повернула голову в его сторону и, встретившись с ним глазами, тихо проговорила:

– Да, как странно все это!.. Люди дерутся, проливают кровь, а звезды и небо, и этот месяц так спокойны и бесстрастны! Пройдут века, заглохнут войны, люди станут культурнее, а тот же бесстрастный месяц все так же будет освещать им путь, может, как и сейчас, без перемены...

И она протянула руку к луне, как бы в подтверждение своих слов.

Костя взглянул на эту белую, красивую руку с крупной кистью, и глубокое изумление охватило его. На мизинце мо-

нахини он заметил то, чего не заметил раньше: широкое золотое колечко голубело камнем крупной дорогой бирюзы.

V

Получасом позднее, отдав потом какое-то приказание казачу-часовому, Костя, с мыслью о бирюзовом колечке монахини, стараясь как можно менее производить шума, влез на верхушку клена, росшего у стены сарая. Ему было известно кое-что из книг про монастырские уставы, про суровость обительских правил, он знал, что ни одна инокиня не рискнет носить никаких золотых украшений с минуты заключения тела в черную власяницу. Присутствие же колечка на пальце монашки дало совсем неожиданное направление мыслям молодого офицера, и, во что бы то ни стало, он решил добраться до истины.

Ловкий, проворный, перебирался он с одного сука на другой, оставив на земле сапоги, оружие и всю стеснявшую его амуницию, и, не произведя ни малейшего шума, очень быстро достиг того большого кленового сука, который приходился как раз в уровень с отверстием под крышей сарая. Не медля ни минуты, он заглянул внутрь.

То, что увидел Костя, едва не заставило его слететь от неожиданности на землю.

Луч месяца, проникавший в сарай, довольно щедро освещал помещение. В углу на соломе, сильно посапывая носом, спала старшая монахиня, а его красавица, синеглазая таинственная и мечтательная незнакомка, сидела на корточ-

ках пред крошечным складным зеркальцем, поставленным на обрубок дерева, и тщательно брилась при посредстве перочинного ножа.

* * *

Их повесили на заре, обоих венгерских шпионов, переодетых монахинями. А тремя днями позднее Константин Чумаченко был вызван в канцелярию полка, где командир приколот скромный крестик Георгия к груди дрогнувшего от счастья юноши.